

О. Г. Усенко

ОБ ОТНОШЕНИИ РАЗИНЦЕВ К МОНАРХУ

Составной частью менталитета является отношение к институту верховной власти и её носителю. Вслед за В. И. Лениным стало популярным обозначать народное восприятие царской власти в России XVII–XIX вв. терминами «наивный монархизм» и «царистские иллюзии».

По мнению большинства исследователей, отношение трудящихся к царю не было неизменно уважительным, поскольку каждому новому этапу в развитии крепостничества соответствовал сдвиг в народном сознании, связанный с критическим восприятием личности монарха и даже самого института царской власти. В связи с этим большое внимание в литературе уделяется правлению Алексея Михайловича и, в частности, крестьянской войне 1670–1671 гг.

Так или иначе все исследователи сходятся в том, что восстание С. Разина подорвало народную веру в царя. Однако этот тезис вызывает сомнения. Побудительной причиной и одновременно исходной посылкой критического анализа аргументации авторов является убеждение, что в России XVII–XVIII в. царистские представления трудящихся не поддавались конъюнктурному манипулированию со стороны их носителей, наоборот, эти представления руководили помыслами и действиями восставших¹.

Характерно, что поводом выступления 1670–1671 гг. был слух о боярском заговоре против царя. В народе считали, что смерть царицы и двух царевичей на совести бояр-отравителей. Поверил в это и С. Разин: на кругу под Паншиным городком в апреле 1670 г. он говорил, что монарх нуждается в защите.

Анализ источников показывает, что на протяжении всего выступления главным лозунгом был призыв «стоять за великого государя». Причём, с точки зрения восставших, присяга царевичу Алексею отнюдь не отменяла обязательств по отношению к его отцу, напротив, отказ от неё служил доказательством «измены» самому государю. Кроме того, повстанцы были уверены, что С. Разин ведёт их на Москву «по указу великого государя... и по грамоте ево великого государя..., потому что у нево... царевичев не стала и от них, изменников бояр».

[с. 60]

Видимо, весной 1670 г. С. Разин в самом деле получил какой-то «государев указ»; он мог быть прислан вместе в письмом якобы от патриарха Никона. Не исключено, что псевдопатриаршее послание на Дон привёз чёрный поп Феодосий, который некогда находился при Никоне (в бытность того патриархом), а весной 1670 г. стал духовным отцом С. Разина и его постоянным советником. Наконец, нужно отметить, что в конце августа – начале сентября 1670 г. среди восставших находился «старец от Никона», передавший Разину, «чтоб ему итти вверх Волгою, а он, Никон, с свою сторону пойдёт для того, что ему тошно от бояр; да бояря же переводят государские семена». Вряд ли старец был подставным лицом Разина, ибо глава повстанцев устроил ему под Симбирском «проверку кровью»: «И тот старец на бою был, исколол своими руками боярского сына при нём, Стеньке».

Итак, открыто против монарха разинцы не выступали. Что касается их отношения к царским грамотам (последние часто уничтожались), то анализ показывает: недоверие вызывали прежде всего те указы, которые воспринимались как поддельные, «боярские». Основанием для такой оценки могло быть, во-первых, содержание грамоты (его несоответствие ожиданиям восставших), а во-вторых, отсутствие на документе печати

красного воска: разинцы чаще всего имели дело с копиями царских грамот, а не с подлинниками.

Намерение «передрать дела» у царя приписано С. Разину чисто по ошибке – в результате неверного толкования слов астраханского стрельца Ф. Андреева. По всей видимости, неправомерно приписаны Разину и слова о том, что он относится к царю так же, как и к своему обидчику – астраханскому воеводе. Если в 1669 г. Разин и собирался «предъявить свои требования» кому-нибудь ещё помимо воеводы, то наверняка он имел в виду придворных (это согласуется с народной традицией противопоставлять «хорошего» царя «плохим» боярам). Что касается убийства посла Г. Евдокимова, то оно увязывалось Разиным не с оскорблением государя, а, напротив, с его защитой от бояр-«изменников». Евдокимов был воспринят как боярский «лазутчик» и именно поэтому убит.

Главным аргументом для тех, кто убеждён, будто С. Разин хладнокровно манипулировал царистскими взглядами народных масс, будучи сам свободным от «наивного монархизма», является

[с. 61]

свидетельство иностранца-анонима, согласно которому Разин выдавал за наследника престола «отрока лет 16, потомка одного из пятигорских черкесских князей...» Однако данное сообщение заслуживает доверия лишь частично – в том смысле, что среди восставших действительно находился Лжеалексей. Но вряд ли правильно считать С. Разина инициатором самозванства. Если известно, что толчком к восстанию послужило известие о смерти царевича (которому казаки поверили), если доказано, что восставшие против царя открыто не выступали, то становится непонятно, как Разин и его сподвижники могли лгать, утверждая, что царевич Алексей жив, и при этом надеяться на успех своего выступления. Ведь рано или поздно им пришлось бы держать ответ перед царём за столь кощунственный обман. К тому же очевидно: если разинцы использовали имя царевича лишь для получения поддержки в народе, то они с самого начала заявили бы о чудесном спасении Алексея и его пребывании среди них. Между тем первые заявления такого рода относятся к концу августа 1670 г.

Не выдерживает критики и утверждение, будто роль царевича играл черкесский княжич. То же самое надо сказать о гипотезе С. М. Соловьёва, считавшего, что самозванцем был атаман Максим Осипов. По всей видимости, Лжеалексей, чьё настоящее имя и происхождение нам, увы, неизвестны, «объявился» повстанцам по собственной воле.

Таким образом, и рядовые участники второй крестьянской войны, и её руководители против царя не выступали. Уважительного отношения народных масс к монарху не смогли поколебать ни процессы усиления феодального гнёта, ни изменения в политическом строе России, произошедшие при Алексее Михайловиче. Только самые рьяные противники «никонианства» (такие, как протопоп Аввакум) и то лишь после 1670 г. дошли до неприятия Алексея как человека и царя².

Отсюда следует, что эволюция менталитета определяется воздействием не столько политических и социально-экономических факторов, сколько иных – скорее всего, чисто культурных.

---

¹ См.: Усенко О. Г. Повод в народных выступлениях XVII – первой половины XIX века в России // Вестник Москов. ун-та. Серия 8. История. 1992. № 1; Он же. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь. 1995. Ч. 2; Он же. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. №1, 2.

² Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М., 1995. С. 363–364.

[с. 62]
